

Прикованный герой:

перекрывающиеся ландшафты и мифы

Левон Абрамян

Сюжет о прикованном в горах герое еще со времен Гесиода и Эсхила привлекает внимание к Кавказу (рис. 1а, б). По сей день исследователи пытаются

Рис. 1а. Прометей приносит людям огонь. Генрих Фридрих Фюгер, 1817.

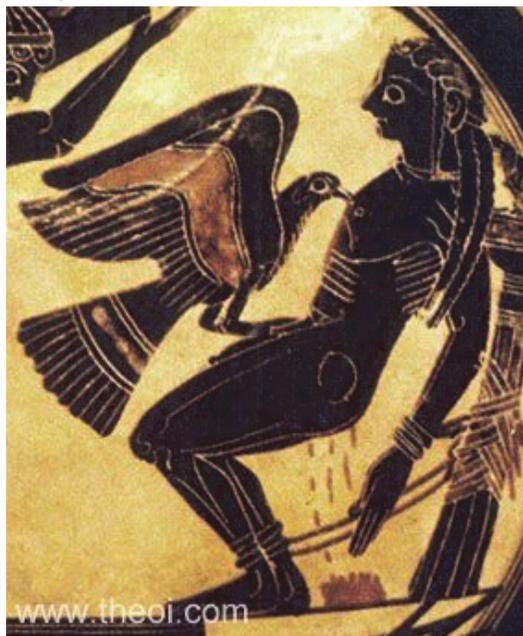

Рис. 1б. Прометей. Лаконский амфориск, ок. 530 до н.э.

выяснить, какое отношение имеет Прометей к Кавказу, к местным героям, тоже прикованным в горах. Проблема прикованного героя, с одной стороны, привлекает к себе тех, кто надеется выявить национальные границы местных героев, но при этом за пределами внимания остаются важные аспекты этих героев, уяснить которые могли бы помочь «не свои» прикованные (связанные, заточенные) герои. Например, тяга грузин к благородному пафосу прометея

образа (без учета других, менее благородных его сторон) односторонне «облагораживает» грузинского эпического героя Амирани, резко отмежевывая его от злых, «демонических» двойников из эпосов соседей.¹ Сходным образом армяне склонны выпячивать этические (на деле псевдоэтические) стороны образа Мгера Младшего, замкнувшегося в скале до наступления эпохи сказочного благоденствия и справедливости, превратив «благородное затворничество» этого эпического героя чуть ли не в национальный признак, тем самым отмежевываясь от других, менее благородных вариантов этой истории, в любом случае забывая, что Мгер не добровольно, а по проклятию отца замыкается в скале, что это не добровольная аскеза, а наказание за неблагоприятные поступки. С другой стороны, чрезмерное расширение границ сюжета о прикованном герое, как семантических, так и географических, грозит его размыванием, в частности утерей кавказской или, скорее, протокавказской специфики. Делались также попытки выделить индоевропейские и кавказские элементы сюжета о прикованном герое и определить возможные пути их взаимовлияния.² Надо отметить вообще, что чрезмерное внимание к прометееву сюжету, при всей перспективности выявления древних кавказско-греческих связей, несколько сужает проблему прикованного героя. Здесь мы попытаемся рассмотреть сюжет о закованном герое, отвлекаясь от чувств национальной привязанности и ксенофобии, чтобы выявить общие скрытые качества этого образа, делающие его столь притягательным (или столь отталкивающим) для разных национальных культур. География сюжетов о закованном герое также вырисовывает некий общий ландшафт, имеющий конкретные локальные привязки. Перечислим вкратце варианты сюжетов о закованном герое,³ отмечая лишь ключевые в контексте нашего исследования детали, отвечающие на вопросы «кого?», «где?», «за что?». Армянского царевича Артавазда

¹ См., например, *Чиковани М.Я.* Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., 1966. С. 65, 104-105, ср. также *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963. С. 218-219.

² См. обзор и анализ таких подходов, предложенных, в частности, Ж. Дюмезилем (1924) и Ж. Шарашидзе (1968), в статье: Ch. Wilhelm. "Prometheans and the Caucasus: The Origins of the Prometheus Myth", *Proceedings of the Ninth Annual UCLA Indo-European Conference* (Journal of Indo-European Studies Monograph Series No. 28, Washington, D.C., 1998), pp. 150-155.

³ См. сами сюжеты и литературу о них в энциклопедии *Мифы народов мира* (М., 1980, т. 1; 1982, т. 2) в соответствующих статьях (по имени героев).

Рис. 2. Гора Масис (Арарат).

Рис. 3. Кавказский хребет. Гора Эльбрус.

заковывают в цепи в одной из пещер на вершине горы Масис (Арарат) (рис. 2); причина – зависть к посмертной славе отца (в изложении Мовсеса Хоренаци – рациональная критика языческой расточительной погребальной обрядности); если освободится, положит конец миру (по легенде, с недоверием передаваемой Мовсесом Хоренаци). Абхазского богатыря Абрскила, защитника своего народа, приковывают к железному столбу в пещере (отождествляется с Чилоуской пещерой в Очамчирском районе); причина – вступил в состязание с верховным богом; в одном варианте, освободившись, слепнет от дневного света и удаляется в горы. Осетинского Артавыза пригвозждают внутрь луны; причина – был сотворен, чтобы принести людям добро, но стал учить их противоположному, если вырвется, сожрет людей. Грузинского эпического героя Амирани приковывают к скале в пещере Кавказского хребта (рис. 3); основная причина – богоборчество. Греческого Прометея приковывают к скале на Кавказе (рис. 4 и 5); причина – обманул Зевса, помог людям; освобожден Гераклом. Иранского Заххака, иноземного царя, приковывают в жерле потухшего вулкана Демавенд (рис. 6); причина – установил тысячелетнее (без одного дня) царствование зла. Восходит к иранскому дракону Ажи-Дахака, который закован в цепи и подвешен в вулканическом жерле той же горы; перед концом мира вырвется на волю и снова воцарится на короткий срок (в изложении Мовсеса Хоренаци – Бюраспи Аждахак). Армянского эпического героя Мгера Младшего не выдерживает земля, он входит в утес Вана/в скалу Агравакар («воронья скала») (рис. 7) и остается там до разрушения старого и воцарения лучшего мира; причина – проклятие не узанного им отца, с которым вступил в единоборство; косвенно – вызов богу. В одной версии прикован к скале и ворон клюет его почки (как орлы клюют печень Амирани и Прометею).

Рис. 4. Прикованный Прометей. Томас Коул, 1846-47.

Рис. 5. Прикованный Прометей. Н.-С. Адам, 1762.

Рис. 6. Гора Демавенд (Иран).

Рис. 7. Дверь Мгера. Ван (Турция).

Список закованных/связанных/придавленных/завязанных в узел героев изначально демонической природы, очевидной или выявляемой анализом, можно было бы продолжить,⁴ но мы ограничимся пока теми героями, о которых речь пойдет ниже. Герои-вредители имеют много сходных черт, что обусловлено как их природой, так и способами их обезвреживания, к тому же в каждом из них, очевидно, присутствует «свое» и «чужое», что блестяще продемонстрировал В.Н. Топоров на примере русского Святогора.⁵ Здесь мы

⁴ Краткий обзор и анализ обезвреженных героев такого рода см.: *Абемян М. Труды. Т. 8. Ер., 1985. С. 188-193 (на арм. яз.)*.

⁵ *В.Н. Топоров. Русск. Святогор: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 89-126.*

пытаемся очертить то предварительное поле (которое будущими изысканиями будет расширено или сужено), в котором, по нашему мнению, с достаточной очевидностью прослеживаются свойства рассматриваемых здесь героев.

Во всех сюжетах с разной степенью очевидности отмечается мотив греха, за который наказывается герой. Если отвлечься от морализаторских, очевидно поздних интерпретаций мифа (как правило, именно они привлекательны для национальных идеологий), этот грех – соперничество с богом (отцом). Впрочем, тема греха, пусть даже нечетко обозначенная, всегда, как правило, присутствует в сюжетах о наказанных героях: ср., например, Триту в колодце⁶ или Григория Просветителя в яме-тюрьме (при неявной теме греха отца). В этом плане к ряду прикованных на горе героев можно причислить и Христа, пригвожденного к кресту на горе Голгофе (рис. 8) – иконографическая гора в основании Распятия больше приближает евангельский сюжет к рассматриваемому, чем топографическое соответствие/несоответствие реального пейзажа мифологическому; можно сказать, что библейский пейзаж перекрывается более древним – протокавказским. Христос берет на себя первородный грех прародителей людей – послушание Богу (ср. соперничество с богом/отцом). Любопытная неосознанная ассоциация сюжета об Артавазде с евангельским Распятием проявилась недавно у миниатюристки Лилит Амирджян: под Голгофой она поместила силуэт горы Масис/Арагат (рис. 9). Указанный выше вариант сюжета о Мгере Младшем (чье имя и образ указывают на генетическую

К Святогору в контексте рассматриваемого здесь образа прикованного героя мы еще вернемся.

⁶ В.Н. Топоров. Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции // Историко-филологический журнал. 1977. № 3. С. 94, прим. 31 (о связи греха с Тритой). См. о том же: В.Н. Топоров. Авест. *Θrita-*, *Θraētaona*, др.-инд. *Trita* и др. и их индоевропейские истоки // *Annali (della Facoltà di lingue e letterature straniere) di Ca' Foscari (Venezia)*. 1977. XVI, 3 (Serie Orientale, 8). С. 57, прим. 26. См. также с. 48: о действительной вине Ивана-дурака в сказках, генетически связанных со сказками типа 301, с сюжетом которых сопоставляется сюжет о Трите в колодце. В другом месте (Л.А. Абрамян, А.Г. Демирханян. Мифологема близнецов и мировое дерево // Историко-филологический журнал. 1985. № 4. С. 71-72) мы попытались показать, что в сказках этого типа старшие братья (обычно их двое) действуют как одно лицо, так что против младшего брата выступает как бы один противник, его близнец-антагонист. Причем в отличие от мифологических близнецов, среди которых носителем положительного начала является старший брат, в «паре» сказочных «близнецов» таковым оказывается младший брат, хотя отголоски мотива его греха, вины, утерянной вредоносности тем не менее остаются.

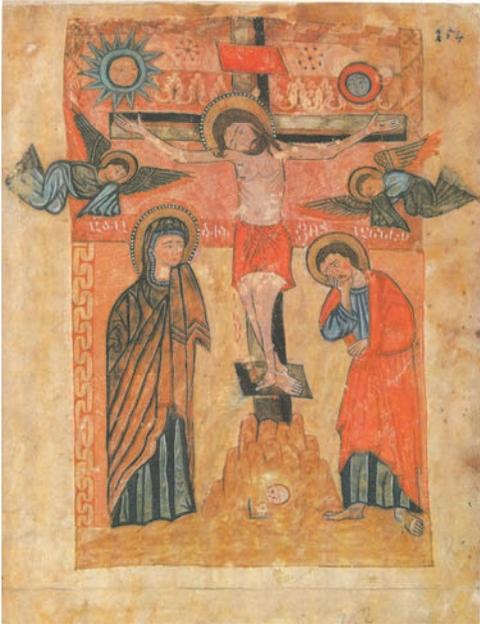

Рис. 8. Распятие. Торос Таронаци, 1323.

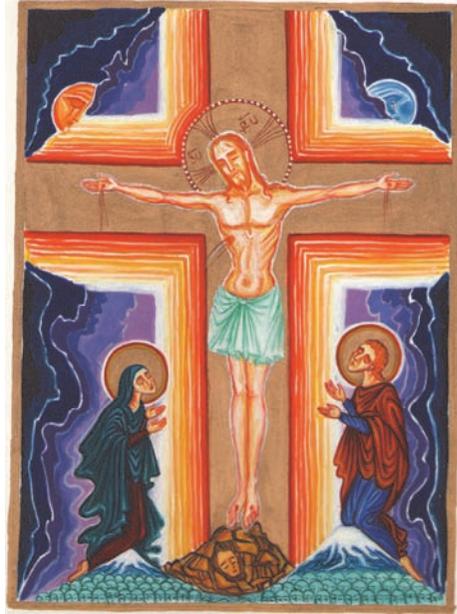

Рис. 9. Распятие. Миниатюра Лилит Амирджанян. 2005.

связь с Митрой), где он прикован к скале, связывает традиционно сопоставляемые образы Митры и Христа также и в этом ключе.

Интересно, что у армянских кузнецов до недавнего времени сохранилась традиция, согласно которой Христос фактически рассматривается как прикованный герой. Так, А.З. Тадевосян в 1980-х записал рассказ о том, как кузнец вечером в Великий четверг должен был трижды ударить молотом по куску железа, из которого утром в Страстную пятницу изготавливал особые амулеты.⁷ Обычно такие амулеты предназначались детям и беременным женщинам и предохраняли их от молнии. Кузнец изготовлял также особые гвозди, которые в Страстную Пятницу вонзались в землю с целью «выколоть глаза Иуде» и вообще поразить нечисть, стелющуюся в этот день по поверхности земли.⁸ Однако в данном случае три удара по железу наносились с целью укрепления гвоздей Христа, и кузнец таким образом брал на себя грех

⁷ А. Тадевосян. Кузнец в ритуальной системе армян (историко-этнографическое исследование) // Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. Т. 23. Ер., 2007. С. 118 (на арм. яз.).

⁸ А. Tadevosyan, Н. Petrosyan. "The Blacksmith". *Armenian Folk Arts, Culture, and Identity* (Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2001), pp. 214-215.

человечества в распятии Христа.⁹ Сходные удары по наковальне армянские кузнецы наносили в конце каждой недели с целью укрепления цепей закованного Артавазда со времен Мовсеса Хоренаци до недавней этнографической действительности, а грузинские кузнецы делали то же самое с целью укрепления цепей закованного Амирани. Отметим также четверг как день поединка Громовержца со своим драконьим противником в основном мифе.¹⁰

Однако тема греха также представляется достаточно поздней трансформацией рассматриваемых сюжетов. Можно выявить более архаичный, по-видимому, мотив – изначальную, генетическую «греховность»/вредоносность наказываемого героя. Богоборческие мотивы предполагают уже устоявшуюся верховную позицию главного/единого божества в контексте основного мифа – семейную структуру этого мифа (грех сына по отношению к отцу), тогда как мотив изначальной вредоносности, по-видимому, восходит к более архаичной мифологеме о близнецах,¹¹ а именно к ее змеиному коду: один из близнецов – драконьей природы.

Миф об Артавазде совмещает оба аспекта сюжета о закованном герое – и отцеборство и изначальную змеиность: согласно легенде, которой не верит Мовсес Хоренаци, младенца Артавазда выкрали потомки Аждахака и заменили его дэвом (История Армении, II.61). Отсюда, по логике этой легенды, его демоничность, которая скорее представляет собой змеиность, поскольку Ажи-Дахака значит «Дракон Дахака». Кстати, сюжет об Артавазде показывает, какими глубинными и сложными путями армянские реалии переплетаются с иранскими, что иные исследователи предпочитают заменять простым знаком равенства.

Изначальная греховность, драконья природа видна также под героически-морализаторскими слоями образа Мгера Младшего: его не держит земля (ср. устойчивую связь греха и тяжести: земля не носит великих грешников, души грешников перевешивают души праведников), его выход из скалы связан с разрушением этого мира (ср. конец света, приуроченный ко второму пришествию Христа, «освободившегося» с креста, а затем и из

⁹ А. Тадевосян. Кузнец в ритуальной системе армян. С. 139-140.

¹⁰ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. С. 24-26. Об основном (индоевропейском) мифе, см. в указанной работе, см. также В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. С. 527-533.

¹¹ Л.А. Абрамян, А.Г. Демирханян. Мифологема близнецов и мировое дерево. С. 66-84.

могилы-пещеры, хотя в данном случае имеется набор ключевых событий, а не их связь в последовательном повествовании). Яркий признак змеинности Заххака – неполное число дней его правления. Абхазский Абрскил слепнет по выходе из пещеры – ср. с сжиганием дракона (вешапи) солнцем в грузинском мифе и сжиганием солнцем вишапа, приближающегося по возрасту к круглому числу,¹² в армянской традиции. Наконец, имеет смысл вспомнить также о хтоническом происхождении Прометея (он сын титана Иапета), который фактически уже совершил переход в иной жанр – жанр героических деяний культурного героя; характерно, что его освобождение от оков никак не влияет на безопасность мира.¹³

Итак, герой, закованный в пещере, в скале (к скале) – изначально «плохой». С этим, на первый взгляд, не согласуется образ урартского бога Халди,¹⁴ живущего в скале – той самой, куда армянский эпос поместил Мгера

¹² О круглом числе героя и неполном – антигероя см. *Айрапетян В.* Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. М., 2001, б123 и др.; *Абрамян Л., Айрапетян В., Аракелян Г., Гулян А.* Разговор о круглых и абсолютных числах. Ер. 1981-1984 (рукопись).

¹³ Хотя Прометей противопоставлен своим именем и деяниями брату Эпиметею, он противопоставлен также своему двоюродному брату Зевсу: по ряду источников, они оба демиурги, по-разному относятся к людям – по самой популярной версии, Прометей их покровитель и культуртреггер (впрочем, эту функцию он вынужденно берет на себя, чтобы исправить «демиургическую неумелость» своего брата Эпиметея), в античной традиции Прометей сам осуждается (Горацием) как «плохой» демиург. Таким образом, Прометей, несмотря на героический самопожертвенный ореол человеколюбия, выявляет черты неудачливого демиурга-ремесленника – прообраза дьявола (см. L. Abrahamian. “Afterword: The Artisan: Traditional Figure and Contemporary Functions”. *Armenian Folk Arts, Culture, and Identity*, p. 262). Тем не менее главный грех Прометея – богоборство. Оно проявляется в трикстерного рода обманах Зевса и косвенном богоборстве в виде нежелания сообщить Зевсу тайну о его нерожденном еще могучем противнике. Собственно, за это неразглашение его и наказывают, а освобождают в обмен на раскрытие тайны. Иными словами, мы имеем ослабленный (предотвращенный) конец света (конец мира Зевса), связанный с его противником-прорицателем. Спектр характеристик образа Прометея см.: *А. Ф. Лосев.* Прометей // Мифы народов мира. Т. 2. С. 337-340.

¹⁴ См. о Халди: *И.М. Дьяконов.* К вопросу о символе Халди // *Древний Восток*, 4. Ер., 1983. С. 190-194: о связи Халди и Митры; *Амаякян С.* Государственная религия Ванского царства. Ер., 1990. С. 33-38 (с литературой вопроса) (на арм. яз.); *Петросян А.* Армянский эпос и мифология. Ер., 2002 (книга является дополненной версией английского издания: *Petrosyan A.Y. The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic* (Journal of Indo-European Studies Monograph Series No. 42, 2002), pp. 98-103: о соотношении Халди с армянскими эпическими персонажами; см. также *А. Петросян.* Триада главных богов Урарту и проблема происхождения правящей элиты государства Урарту // *Историко-*

Младшего (рис. 10). Ср. также месопотамских богов, живущих в зиккуратах, символах горы¹⁵ (рис. 11).

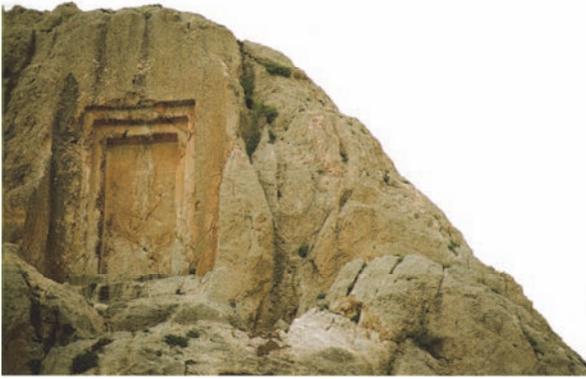

Рис. 10. Врата Халди / Дверь Мгера. IX в. до н.э. Ван (Турция).

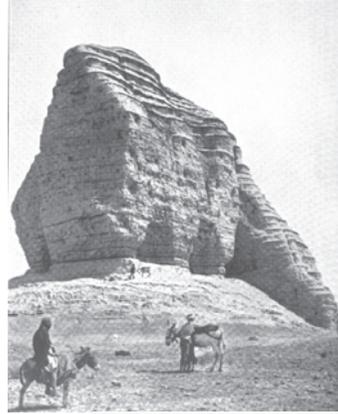

Рис. 11. Зиккурат Дур-Куригалзу (Ирак), XIV в. до н.э.

Однако можно думать, что страх перед хозяином пещеры/горы изначально его почитания или по крайней мере параллелен ему (ср. страх-любовь к отцу, царю). Можно думать, что бог Халди воплотил, с одной стороны, качества заточенных в скале героев, а с другой – возрожденческие свойства (ср. связанный с ним культ винограда¹⁶), с этими героями прямо не связанные, но часто им приписываемые из-за псевдовозрожденческих описаний эсхатологического в своей основе мотива заточения героя в скале.¹⁷

На последнем обстоятельстве имеет смысл остановиться подробнее, поскольку связь темы возрождения с заточенными героями носит довольно стабильный и настойчивый характер. Особенно это относится к образу Мгера Младшего, в толкованиях которого главный пафос составляет именно тема возрождения, ставшая общим местом и даже, как уже упоминалось, чуть ли не

филологический журнал. 2002. № 2. С. 256-266 (на арм. яз.); А.Е. Петросян. Урартский Халди и герои, заточенные в скалу или рожденные из скалы // Археология, этнология и фольклористика Кавказа (Эчмиадзин, 2003). С. 333-334.

¹⁵ См. Н. Petrosyan. "The Sacred Mountain". *Armenian Folk Arts, Culture, and Identity*, p. 33. Мы не будем рассматривать здесь всех хозяев/стражей/порождений горы/скалы/камня (вариант – леса).

¹⁶ См. А. Петросян. Триада главных богов Урарту. С. 257.

¹⁷ Анализ эсхатологического контекста сюжета о Мгере Младшем см. Арутюнян С. Армянская мифология. [Бейрут, 2000]. С. 463-478 (на арм. яз.).

национальным маркером для армян: Мгер выйдет из скалы, когда воцарится справедливость на земле и наступит эпоха сказочного благоденствия. Между тем освобождение героев подобного типа, как мы уже говорили, знаменует прежде всего конец света. Еще меньше связано с возрождением возможное финальное освобождение Амирани. Однако в случае с Амирани тема возрождения тем не менее присутствует, но не в финальном, а в промежуточном эпизоде. Эта тема связана с инициационной тематикой, играющей важную роль для понимания общей мифологемы прикованного героя, даже если отдельные мифологические сюжеты и не содержат прямо инициационных мотивов.

В эпосе об Амирани инициационная тематика, и это уже отмечали исследователи,¹⁸ проявляется в эпизоде, где Амирани, будучи проглоченным черным драконом (дэвом), выходит наружу, вспоров ножом брюхо (бок) чудовища.¹⁹ Эпос об Амирани позволяет, таким образом, проследить, как пассивный аспект инициации преобразуется в активный, не менее универсальный ее аспект, не имеющий, однако, отношения к заглатывающему патрону инициации.²⁰

Интересно, что Христос, в финальных эпизодах своей истории (распятие на «горе», пещерная могила, второе пришествие) близкий типологически, как уже говорилось, к прикованным героям, в одном из ключевых эпизодов, а именно в истории Крещения, подобно Амирани проходит инициационные испытания в водах смерти (в глубине Иордана), завершающиеся его победой над вишавом.²¹ То есть в типологически сопоставимых сюжетах имеются

¹⁸ Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. С. 226.

¹⁹ Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. С. 87, 96-97, 209, 222-223, 234, 240, 246, 254-255, 260-261, 278, 291, 297, 301, 305. Об инициационных особенностях этого эпизода см. подробнее Л. Абрамян. Герой, прикованный на горе: перекрывающиеся ландшафты и мифы // АБ-60. Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. СПб., 2007 (Studia Ethnologica; Вып. 4). С. 194.

²⁰ Ср. Л.А. Абрамян. Змей у источника // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 20-34: путешествие внутри змея – путешествие по спине змея – змей в мистической анатомии человеческого тела.

²¹ См. Л. Абрамян. Христос как змееборец: церковная традиция и память художника // Мифологические представления в народном творчестве. М., 1993. С. 165-179: змееборчество и инициация в эпизоде Крещения присутствуют не в самих евангелиях, а появляются в их словесных и изобразительных толкованиях.

далеко не типологические соответствия, что может пролить новый свет на происхождение христианской мифологии.

Инициационная тематика позволяет проследить другую нетипологическую связь между далекими, казалось бы, мифологическими персонажами и ландшафтами. Амирани по завету матери вырезают из ее утробы недоношенным, три месяца он донашивается в желудке коровы и еще три в желудке быка. После рождения его помещают у источника или бросают в море.²² В осетинской версии Амирани недоношенным отдают Донбетрам в море, где его «возмужание» (донашивание) также связано с коровой и быком: братья Амирани видят впервые своего брата, когда он выходит из моря вместе с морским быком и коровой, затем сосет вымя коровы и резвится на спине быка.²³ Как видим, в рассматриваемый вроде бы изначально горный сюжет вклинивается морская тема. Горный ландшафт смыкается с морским. Что это не случайный «выход к морю», говорит удивительное соответствие между появлением на свет Амирани и другого героя из приморской культуры – правда, это герой изначально не прометеява типа, но и Амирани, судя по его подвигам, лишь волевым усилием исследователей притягивается к греческому герою. Он, как и его «двойник» Мгер Младший, мало озабочен (если не сказать вовсе не озабочен) судьбой людей; тема добывания огня присутствует в одном эпизоде, причем совсем в другом, «эгоистическом», контексте, и т.п. Как я предупреждал вначале, мы приступили к нашему мифологически-ландшафтному путешествию не с целью подтверждения национальных или наднациональных идеологических стереотипов или же развенчания «национальных» героев, не говоря уже о канонических образах христианской мифологии. Мы ищем более древние образы и связи, лежащие в основе «доставшихся» нам героев, причем эти глубинные процессы так или иначе обусловлены наложением и размежеванием соответствующих мифологических ландшафтов.

Амирани особенностями своего рождения приближается не к Прометею, а к другому греческому, вернее, крито-микенскому герою, а именно к Минотавру. В сюжете о зачатии Минотавра тоже прослеживается связь женщина – корова – бык, но в обратном порядке: вышедший из глубин моря бык Посейдона (или сам Посейдон, эквивалент Донбетра/Донбеттыра, в виде

²² Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. С. 94-96: раздел «Люлька на берегу реки».

²³ Там же. С. 190-191.

быка²⁴) овладевает Пасифаей, женой царя Миноса, залезшей в деревянную корову (Аполлодор. Библиотека, III.I.3-4). Обратный порядок можно объяснить тем, что в случае Амирани мы имеем дело с рождением, тогда как в случае Минотавра – с зачатием. Чудовищного Минотавра помещают в лабиринт, чтобы он не мог выйти оттуда (рис. 12); ср. заточенных в пещере/скале героев хтонической природы, которые не могут выйти по разным причинам (их цепи периодически обновляются, их не держит земля, они ждут конца света). О неявной хтоничности Амирани может говорить то обстоятельство, что он родился в пещере и навеки заточен также в пещере²⁵ (ср. рождение и погребение Христа в пещере, а также рождение Митры из камня и уход в камень его эпических эквивалентов).²⁶ В отличие от Амирани, который в начале или середине своей истории «проходит инициацию» – убивает дракона, а в конце сам оказывается заточенным подобно дракону в пещере, аналоге лабиринта, Минотавр остается «навечно» заточенным в лабиринте чудовищем, которого убивает его сводный брат Тесей (он тоже рожден Посейдоном),²⁷ инициационная природа которого не раз уже обсуждалась. Кстати, Тесей и в других эпизодах своей героической биографии выступает как парный («близнецный») герой-«инициант»: он отправляется со своим другом Пирифоем в Аид, чтобы добыть ему в жены Персефону, богиню

Рис. 12. Минотавр в Лабиринте.

Рис. 13. Урартский бог грозы Тейшеба.

²⁴ См. *А.Ф. Лосев*. Посейдон // Мифы народов мира. Т. 2. С. 323-324.

²⁵ Ср. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. С. 223.

²⁶ О героях, родившихся из камня и уходящих в камень, см. *А.Е. Петросян*. Урартский Халди и герои, заточенные в скалу или рожденные из скалы. С. 333-334; *он же*. Армянский эпос и мифология, *passim*.

²⁷ О Тесее и Минотавре как героическом и чудовищном сыновьях Посейдона см. *А.Ф. Лосев*. Посейдон. С. 324. Тесей, как и многие великие герои, имел двух отцов – земного Эгея и божественного Посейдона (Аполлодор. Библиотека. III.XV.5-7; см. также *А.А. Тахо-Годи*. Тесей // Мифы народов мира. Т. 2. С. 502).

царства мертвых, в результате чего Пирифой навечно остается привязанным в царстве мертвых, Тесей же благодаря Гераклу лишь на время подвергается такому наказанию (Аполлодор. Библиотека. Эпитома, I.23). Близнечность драконоборца, соответствующая змеиному коду «мифологемы первых близнецов», проявляется также в хурритском соответствии Тесея – Тешшубе²⁸ (рис. 13), главным противником которого было слепое и глухое каменное чудовище Улликумми (Улликумме) – его сводный брат.²⁹

Прежде чем обратиться к хурритскому соответствию рассматриваемого мифологического мотива, отметим, что в отличие от Тешшуба-Тесея Амирани не имеет в качестве главного противника братьев-антагонистов; напротив, два его брата выступают вместе с ним во всех героических деяниях (кроме рокового богоборства), составляя с ним триаду Мысль (Усипи) – Слово (Бадри) – Дело (Амирани).³⁰ Примечательно, что такую же триаду составляют армянские эпические герои-братья Мгер Старший, олицетворяющий героическое дело, Дзенов (Голосистый) Оган, подобно Бадри обладающий громким голосом, звуковой стороной слова, и Цран (=Трус) Верго, сомневающийся, неуверенный в себе, что присуще мысли. Мгер Младший, внук и митраическое продолжение Мгера Старшего, подобно Амирани, другому митраическому герою, также не имеет брата-антагониста и выступает в качестве отцеборца/богоборца. Следует отметить, что у Прометея, самого знаменитого богоборца, имеется, как уже говорилось, противоположный своим именем брат Эпиметей, «крепкий задним

²⁸ Тейшеба-Тешшуба сопоставил с Тесеем А. Петросян (Армянский эпос и мифология. С. 52-54), при этом топор, отличительный атрибут хурро-урартского бога грозы, сопоставляется с двойным топором лабрисом, давшим название лабиринту, где Тесей убивает Минотавра.

²⁹ Об исконной парности (близнечности) прообраза прикованного героя см. *Л. Абрамян*. Парные образы «Сасна црер»: близнецы, сводные братья, двойственные герои // *The Armenian Epic “Daredevils of Sassoun” and the World Epic Heritage* (4-6 November, 2004, Tsakhkadzor). Yerevan, 2004. С. 61-67. В этой связи интересен образ Святогора, которого сопоставил с Улликумми В.Н. Топоров, причем в контексте основного мифа, где соперником Святогора выступает Илья Муромец (*В.Н. Топоров*. Русск. *Святогор*: свое и чужое. С. 123, прим. 101). Особый интерес представляет смерть Святогора. По существу его заковывает в гроб на Святых горах его названный брат Илья Муромец: он пытается разрубить гроб, но от каждого удара на нем появляются новые железные обручи – ср. усиление цепей Артавазда и Амирани от ударов кузнецов по наковальне (на последнее соответствие Святогора с прикованными на горе героями мне любезно указал Г. Левинтон).

³⁰ Ср. Charachidzé G. *Prométhée ou le Caucase: Essai de mythologie contrastive* (Paris: Flammarion, 1986), p. 299.

умом»,³¹ этим он больше похож на Амирани, чем «интеллектуальный» Прометей, с которым Амирани традиционно сравнивают.

Вернемся к хурритскому примеру. Тешшуб сверг Кумарби, своего отца, и узурпировал власть, поэтому Кумарби сочетается со Скалой, которая рождает Улликумми, призванного низвергнуть Тешшуба. Младенца несут в море и кладут на плечо гиганта, поддерживающего вселенную. Каменный младенец растет не по дням, а по часам; чтобы узреть его, Тешшуб, его брат и будущий противник, вместе с сестрой и другим братом отправляются на гору Хаззи.³² «Вырос Камень высоко. / Словно меч, на коленях он в море стоял. / Из воды поднимался он, Камень, / В вышину был огромен, / Море было как пояс на платье его.»³³ Таким образом, вырисовывается пейзаж: горы, подступающие к морю, и высокая скала в нем. Однако примечательно и описание «матери» каменного чудовища, которое приводится в разделе «Зачатие Улликумми».³⁴ Когда Кумарби замыслил породить соперника Богу Грозы, он «...ноги обул / В буйные ветры, как в сапоги. / Из города Уркиса³⁵ он отправился в путь, / И к Холодному Озеру он прилетел. / А в Холодном Озере том / Большая лежала Скала – / Три версты в длину, полторы в ширину, / То, что было внизу, в полверсты! / У Кумарби подпрыгнуло сердце. / Со Скалой сочетался Кумарби, / И оставил он семя в Скале. Сочетался пять раз со Скалою, десять раз со Скалой сочетался...» То есть в нашем мифологическом ландшафте появляется о з е р о.

³¹ О противопоставлении Прометеева порядка «мысль – слово – дело» и Эпиметеева порядка «дело – слово – мысль» см. *В. Айрапетян*. Толкуя слово (по указателю).

³² См.: Песнь об Улликумми // Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии (пер. Вяч.Вс. Иванова). М., 1977. С. 125-140; *М.Л. Хачикян*. Хурритская мифология // Мифы народов мира. Т. 2. С. 608.

³³ Песнь об Улликумми. С. 129.

³⁴ Там же. С. 125-126.

³⁵ Уркис (Уркеш) был недавно локализован в северо-восточной Сирии, у поселения Тель Мозан (раскопки 1984-1995 гг.). То есть этот древний религиозный центр хурритов III тыс. до н.э. располагался у южной окраины Армянского нагорья.

Рис. 14. Предполагаемый путь Кумарби из Уркеша к озеру Севан.

Где локализовалось это озеро? Согласно клинописи, оставленной урартским царем Русой I в VIII в. до н.э. в западной части озера Севан, завоеванная им «страна» называлась Уеликухи³⁶ (это название трансформировалось в Гехаркуник – название современной области в Армении) (рис. 15а, б).

Рис. 15а. Озеро Севан. Современная фотография с видом на полуостров.

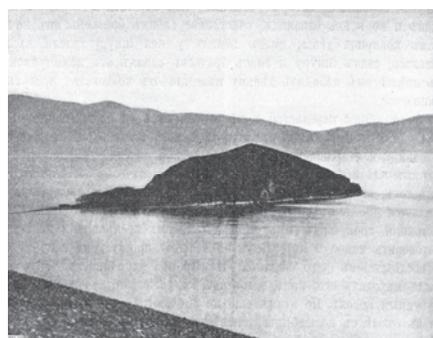

Рис. 15б. Озеро Севан. Фотография начала XX в., когда полуостров был островом.

А. Петросян выдвинул предположение об этимологической связи этого названия с именем Улликумми, а также о том, что по крайней мере западный

³⁶ Арутюнян Н.В. Корпус урартских клинообразных надписей. Ер., 2001. № 388. С. 295.

берег озера Севан входил в область культа Тешшуба.³⁷ Поскольку урарты почитали бога Тейшебу, урартское соответствие Тешшуба, завоевание ими страны с названием, происходящим от имени противника Тешшуба Улликумми, можно расценивать как повторение победы Бога Грозы над его каменным противником, хотя ни победители, ни побежденные, скорее всего, уже не догадывались об этом.³⁸

Нетрудно видеть семантическую связь между каменным чудовищем (к тому же слепым и глухим) и вхождением героя в камень – промежуточным звеном, облегчающим подобный смысловой переход, могут служить окаменевшие герои мифов и сказок. Следующее звено семантической цепи – запираение героя (антигероя) в пещере. И, наконец, последнее звено – лабиринт со своим чудовищным хозяином. Пещера как место заточения/обитания вредоносного существа, опасного для мира, приближается к образу пещерного убежища лабиринтного типа, передаваемого армянским словом *bavil*³⁹, иконографически – к «естественным» пещерного типа лабиринтам с одним входом/выходом, хорошим выражением которых является петроглиф из Валькамоники, изображающий также «хозяина» пещеры-лабиринта – Змея (рис. 16). В другом месте⁴⁰ я попытался показать, как подобные пещерные лабиринты

³⁷ См. *Петросян А.* Армянский эпос и мифология. С. 53-54, 89-90. Оба имени возводятся к индоевропейскому **uel-*, присутствующему в имени Змея – противника Громовержца. Кстати, имя хурритского Бога Грозы Тешшуба, брата и противника Улликумми, с большой вероятностью возводится тоже к индоевропейскому корню – **tek's-* со значением 'топор', 'изготавливать, особенно топором' (там же, с. 54), о чем мы уже упоминали в связи с Тешшубом-Тесеем, топором лабрисом и лабиринтом. См. также *А. Петросян.* Кумайри в контексте древнейших мифов Армянского нагорья // Научные исследования (Центр арменоведческих исследований Ширака). Гюмри, 2004. № 2 (на арм. яз.): о связи Улликумми с оз. Севан и каменными «вишапами» («драконами») окрестных гор.

³⁸ Впрочем, однозначно об этом трудно судить, хотя бы потому, что Руса I, покоривший страну Уеликухи (до него это уже делали его дед Аргишти I и отец Сардури II – см. *S. Hmayakyan.* “The Urartians on the Southern Coast of the Lake Sevan”. *The North-Eastern Frontier Urartians and Non-Urartians in the Sevan Lake Basin.* I (Roma: CNR, 2002), pp. 277-300), оставил об этом еще одну надпись на юго-восточном побережье озера Севан, где, согласно той же надписи, построил «(Бога) Тейшебы город» – см. *Арутюнян Н.В.* Корпус урартских клинообразных надписей. № 389. С. 296.

³⁹ См. *Ачарьян Гр.* Корневой словарь армянского языка. Т. 1. Ер., 1971. С. 433 (на арм. яз.); *Г. Джаукян.* Этимологии // Историко-филологический журнал 1991, № 2. С. 36-37 (на арм. яз.).

⁴⁰ О связи подобных пещерных лабиринтов со змеиным (драконьим) образом патрона инициации, внутри которого (в кишках чудовища) совершают свой путь к возрождению иницианты, см. *Л. Абрамян.* Ритуально-мифологические истоки лабиринта //

Рис. 16. Петроглиф из Валькамоники (Италия).

Рис. 17. Предмет неизвестного назначения. X-IX вв. до н.э. (бассейн оз. Севан).

Рис. 17а. Деталь рис. 17.

соотносятся со змеиным (драконьим) образом патрона инициации, в кишках которого совершают свой лабиринтообразный путь к возрождению иницианты, заглоченные чудовищем. Вспомним эпизод, где Амирани был заглочен дэвом. Другой тип лабиринта – «культурный», ближе к иконографическому билатеральному типу (с двумя, в принципе с несколькими) входами/выходами, который чаще ассоциируется в нашем сознании с понятием «лабиринт». Такой лабиринт типологически ближе к критскому, построенному Дедалом для его обитателя-узника Минотавра с единственной целью, чтобы это чудовище оттуда не могло выйти. Там оно и нашло свою смерть от руки своего брата Тесея, вошедшего в лабиринт с целью инициации.

Кавказско-переднеазиатская смычка сюжетов о закованном / обезвреженном хтоническом герое, которую можно условно назвать пещерно-лабиринтной, позволяет по-новому оценить весь пещерно-лабиринтный комплекс в широком протокавказском контексте – от собственно кавказских пещерных сюжетов до критских и этрусских лабиринтов. В этом плане особый интерес может представить семасиологический анализ обоих названий, до сих пор не имеющих надежных этимологий. Так, новыми смыслами наполняется ненаучная (согласно Ачаряну) этимология слова *bavit*, возводимая к слову *Вавилон*.⁴¹ С другой стороны, неожиданную лабиринтную интерпретацию могут

Республиканская научная конференция, посвященная итогам этнографических и фольклористических исследований 1990-1994 гг. Тезисы докладов. Ер., 1995. С. 3-4 (на арм. яз.).

⁴¹ Я благодарен Арцруни Саакяну за указание и обсуждение такой связи. Ср. устойчивую связь Вавилона с лабиринтом на уровне литературы, как древней (см. *Мещерская Е.Н.* Деяния Иуды Фомы (культурно-историческая обусловленность раннесирийской легенды). М., 1990. С. 170 и прим. 256 на с. 209-210), так и современной (Х.Л. Борхес, рассказ

получить найденные на территории Армении артефакты железного века (конец – вторая половина I тыс. до н.э.): лабиринтоподобные изображения, в центре которых помещена фигура, напоминающая то ли стилизованную бычью голову (ср. Минотавра), то ли топор (рис. 17, 17а) (ср. связь имени Тесея с топором, а последнего с лабиринтом), а также более древние (первой половины II тыс. до н.э.) схематические изображения аналогов двойной секиры (лабриса, давшего название лабиринту) в сочетании со знаком меандра (возможно, символом лабиринта)⁴² (рис. 18а, б).

Рис. 18а и б. Сосуды первой половины II тыс. до н.э. Ширак.

Таким образом, перекрывание древних мифологических сюжетов и ландшафтов неожиданно «оправдывает» сегодняшнее «мифологическое» совмещение в одном пейзаже армянских национальных маркеров горы Масис (Арагат) и озера Севан (в реально не существующих пейзажных композициях, в очертаниях ереванского пруда и ностальгических макетах) (рис. 19, 20).

«Вавилонская библиотека»), а возможно, и исторической действительности (см. F.M.Th. Böhl. “Zum Babylonischen Ursprung des Labyrinths”. *Miscellanea Orientalia Dedicata Antonio Deimel Annos LXX Complenti / Analecta Orientalia*, 12, Roma: Pontificio Istituto Biblico, 1935. S. 6-23).

⁴² О лабиринтной интерпретации археологических артефактов см.: Л. Абрамян. «Топоробык» в лабиринте: к выяснению значения одной композиции периодов бронзы и железа // Историко-культурное наследие Ширака. Материалы шестого республиканского симпозиума. Гюмри, 2004. С. 12-14 (на арм. яз.).

Рис. 19. Пруд в Ереване в виде реплики озера Севан.

Рис. 20. Армянская семья во дворе своего дома в Краснодаре на фоне модели горы Масис (Арагат) и бассейна с очертаниями озера Севан.

Вспомним также урартскую крепость Тейшебаини на фоне горы Масис, названную в честь бога Тейшеба (урартского соответствия Тешшуба), руины которой заключены внутри Красного холма в пределах сегодняшнего города Еревана (рис. 21, 22). Другими словами, сегодняшние национальные символы и

Рис. 21. Крепость Тейшебаини на окраине Еревана.

Рис. 22. Ереван на фоне горы Масис (Арагат).

герои, иной раз надменно отграничиваемые от сходных символов и героев своих соседей по ландшафту, оказываются более близкими им по глубинным характеристикам, а возможно, и происхождению. Даже «ландшафтные антагонисты» находят своих медиаторов: на равнинах появляются зиккураты – искусственные горы со священными обитателями, горные пещеры – естественные лабиринты заменяются искусственными наземными или подземными, а море моделируется высокогорным озером.

Подписи к рисункам

Рис. 1а. Прометей приносит людям огонь. Генрих Фридрих Фюгер, 1817.

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Heinrich_fueger_1817_prometheus_brings_fire_to_mankind.jpg.

Рис. 1б. Прометей. Лаконский амфориск, ок. 530 до н.э. Музей Ватикана.

<http://www.theoi.com/Gallery/T20.1C.html>.

Рис. 2. Гора Масис (Арапат).

<http://www.welcomearmenia.com/%D5%B0%D5%A1%D5%B5%D5%A1%D5%BD%D5%BF%D5%A1%D5%B6/%D5%A1%D6%80%D5%A1%D6%80%D5%A1%D5%BF>.

Рис. 3. Кавказский хребет. Гора Эльбрус.

http://en.wikipedia.org/wiki/File:Mt_Elbrus_Caucasus.jpg.

Рис. 4. Прикованный Прометей. Томас Коул, 1846-47.

http://en.wikipedia.org/wiki/File:Cole_Thomas_Prometheus_Bound_1846-47.jpg.

Рис. 5. Прикованный Прометей. Н.-С. Адам, 1762 (Лувр).

http://en.wikipedia.org/wiki/File:Prometheus_Adam_Louvre_MR1745_edit_atoma.jpg.

Рис. 6. Гора Демавенд (Иран).

<http://www.flickr.com/photos/ninara/4347295672/sizes/l/in/photostream>.

Рис. 7. Дверь Мгера. IX в. до н.э. Ван (Турция). Фото: Грайр Базэ (Хачерян).

Рис. 8. Распятие. Торос Таронаци, 1323. Монастырь Гладзор, Сюник (Armenian Miniatures of the 13th and 14th centuries from the Matenadaran Collection, Yerevan. Leningrad, 1984, Fig. 26).

Рис. 9. Распятие. Миниатюра Лилит Амирджянян. 2005.

Рис. 10. Врата Халди / Дверь Мгера. IX в. до н.э. Ван (Турция). Фото: Грайр Базэ (Хачерян).

Рис. 11. Зиккурат Дур-Куригалзу, Ирак, XIV в. до н.э. фото: Роберт Вильям Роджерс (1915). http://en.wikipedia.org/wiki/File:%E2%80%98Aqar_Q%C5%ABf.jpg.

Рис. 12. Минотавр в Лабиринте. Гемма XVI в. Коллекция Медичи в Палаццо Строцци, Флоренция. <http://en.wikipedia.org/wiki/File:Minotaurus.gif>.

Рис. 13. Урартский бог грозы Тейшеба. Фото: Евгений Генкин.

<http://www.tumblr.com/tagged/teisheba>.

Рис. 14. Предполагаемый путь Кумарби из Уркеша к озеру Севан.

Рис. 15а. Озеро Севан. Современная фотография с видом на полуостров. Фото: А. Рубенян.

http://hy.wikipedia.org/wiki/%D5%8A%D5%A1%D5%BF%D5%AF%D5%A5%D6%80:Lake_Sevan_with_Sevanavank.jpg

Рис. 15б. Озеро Севан. Фотография начала XX в. (неизвестный фотограф), когда полуостров был островом.

Рис. 16. Петроглиф из Валькамоники (Италия).

Рис. 17. Предмет неизвестного назначения. X-IX вв. до н.э. (бассейн оз. Севан). Музей истории Армении.

Рис. 17а. Деталь рис. 17.

Рис. 18а. Сосуд первой половины II тыс. до н.э. Ширак (*Торосян Р.М., Хнкиян О.С., Петросян Л.А.* Древний Ширакаван. Ер., 2002. Табл. X.8 (на арм. яз.)).

Рис. 18б. Сосуд первой половины II тыс. до н.э. Ширак (*Хачатрян Т.* Древняя культура Ширака. Ер., 1975, рис. 54).

Рис. 19. Пруд в Ереване в виде реплики озера Севан.

Рис. 20. Армянская семья во дворе своего дома в Краснодаре на фоне модели горы Масис (Арагат) и бассейна с очертаниями озера Севан. Фото: Завен Хачикян.

Рис. 21. Крепость Тейшебаини на окраине Еревана.

Рис. 22. Ереван на фоне горы Масис (Арагат).

